

© С.С. Алымов, Е.П. Батьянова

«Я стремилась запечатлеть состояние этнических культур Сибири на определенном срезе истории». Интервью с Еленой Петровной Батьяновой

Ключевые слова: МГУ, кафедра этнографии МГУ, Институт этнографии, сектор Севера и Сибири, полевые исследования, коренные малочисленные народы Сибири, телеуты, коряки, чукчи

В интервью представлен диалог редактора журнала «Антропологии» С.С. Алымова и сотрудницы Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН Е.П. Батьяновой. Собеседники обсуждают биографию Батьяновой, её образование и трудовую деятельность. Особое внимание уделено периоду учебы на кафедре этнографии истфака МГУ и работе в Отделе (секторе) Севера ИЭА РАН в течение более чем 40 лет в качестве лаборанта и научного сотрудника. Большое место в интервью занимают воспоминания Батьяновой о работе в этнографическом поле, о её участии в 40 экспедициях, преимущественно в Южную Сибирь, на Чукотку и Камчатку, о взаимоотношениях с информантами. Представлены также воспоминания о коллегах и наставниках, размышления о современном состоянии традиционных культур, проблемах этнологии и путях ее развития.

С.А.: Елена Петровна, спасибо, что согласились дать интервью. Расскажите, пожалуйста, о своих предках, семье, родителях: кем они были и какое влияние оказали на вас?

Е.Б.: Начну с родителей. Отец мой Батьянов Петр Дмитриевич — врач-хирург. Он родился в Могилевской губернии в 1908 г. в многодетной крестьянской семье. Родители его — белорусы. С началом Первой мировой войны семья переселилась в Сибирь и со временем обосновалась в Томской губернии.

Отец (сын крестьянина-бедняка) учился в Томске в нескольких вузах. После окончания им в 1941 г. Томского медицинского института его направили

Батьянова Елена Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН. e-mail: elena-batyanova@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-9624-061X>

Алымов Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН. e-mail: alymovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>.

Для цитирования: С.С. Алымов, Е.П. Батьянова. Я стремилась запечатлеть состояние этнических культур Сибири на определенном срезе истории. Интервью с Еленой Петровной Батьяновой // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 1. С. 138-161, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/138-161>

на работу в Алтайский край. Началась война, и отца тут же мобилизовали на фронт, он даже не успел проститься со своей матерью. О его пребывании на фронте я нашла информацию, размещенную в Интернете Музеем Победы на Поклонной горе. Там среди портретов участников войны есть фотография отца. Его характеризуют как ответственного, добросовестного хирурга и рассказывают, как он, находясь на фронте, по несколько дней не выходил из операционной, обслуживая непрерывный поток раненых.

После контузии отец сам попал в госпиталь, причем московский. А там работала моя мама — Екатерина Цитович. Она окончила педагогический институт [МГПИ им. В.И. Ленина] в 1941 г. и получила направление на Алтай, но осталась в Москве и пошла работать в госпиталь санитаркой, впоследствии — медсестрой. Там они с отцом и познакомились. После выздоровления отец остался работать в этом госпитале. Вскоре госпиталь отправили на фронт. Вместе родители прошли всю войну. Где-то в Карелии в 1944 г. зарегистрировали брак. Я считаю себя участницей войны, потому что мама долгое время провела на фронте и демобилизовалась всего за несколько месяцев до моего рождения. Родилась я в августе 1945 г. То есть я — «дитя войны».

Родители Е.П. Батяновой — Екатерина Петровна и Петр Дмитриевич Батяновы, г. Карачев, 1954 г.

Мама преподавала географию в школе, и именно от нее, будучи школьницей, я узнала, что есть такая наука, которая изучает разные народы. Тогда у меня и возник интерес к этой науке, чему способствовала также наша большая домашняя библиотека. В ней было много книг о путешественниках, в том числе — исследователях Сибири, Севера и пр. На стене в главной комнате висел большой портрет Фритцофа Нансена.

С.А.: Откуда была такая библиотека?

Е.Б.: От дедушки — маминого отца. Шикарные были дореволюционные издания: многотомные собрания «Земля и люди» Элизе Реклю, «Эволюция мира» Каруса Штерне и пр. Ну и конечно, русская художественная классика.

Мама была очень увлечена географией и этнографией. А у меня интерес к литературе поначалу несколько превышал интерес к этнографии. Было непонятно, куда поступать учиться, чтобы потом заниматься этой наукой. С нами жила моя бабушка (мамина мама) Цитович Галина Александровна, и она с детства воспитала во мне любовь к литературе. Без конца читала мне и моему брату Андрею книжки, да я и сама научилась читать, еще не будучи школьницей. Бабушка работала фельдшером-акушером. Ее отец, Александр Николаевич Гарф, умерший еще до революции, служил в акцизном управлении в Москве, потом — в Луганске. Гарфы — немцы, предки которых получили за верное и безупречное служение России сословный титул потомственных дворян. Дядя А.Н. Гарфа Карл Карлович Гарф как почетный гражданин Пензы присутствовал в составе пензенской делегации на коронации Николая II. Мама Александра Николаевича происходила из украинского рода Квитка и была родственницей известного украинского писателя Григория Федоровича Квитки-Основьяненко (1778–1843). А мама моей бабушки — Софья Львовна Гарф (Бернштейн) — была еврейкой, принявшей православие. Так что во мне смешение белорусской, еврейской, немецкой и украинской кровей.

После недолгих раздумий по окончании школы я поступила в Орловский государственный педагогический институт (сейчас это университет), на историко-филологический факультет.

С.А.: Я знаю, что вы жили в городе Карачеве, правильно?

Е.Б.: Да, город Карачев Брянской области, 80 километров от Орла. Я там родилась и выросла.

С.А.: Родители там обосновались после войны?

Е.Б.: Да. Карачев — один из древнейших городов России, в летописи впервые упоминается на год раньше Москвы. Во время Великой Отечественной войны был разрушен абсолютно. Из более двух тысяч домов осталось девять, и в том числе наш дом. Интересно, что к одной из стен нашего дома была прикреплена металлическая табличка страхового общества с церковным изображением и надписью «от огня возрождается». Наш дом построили где-то в начале 1860-х годов. Относительно большой дом с красивым фруктовым садом. А сад был красивым и ухоженным потому, что его хозяин (мой дедушка Петр Васильевич Цитович) был агрономом. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, а потом еще и Сельскохозяйственный институт (сейчас это Академия). С 1912 г. жил в Карачеве, работал здесь уездным агрономом. В 1917 г. возглавлял городскую думу, несколько месяцев был редактором уездной газеты «Голос гражданина». Дед принадлежал к партии народных социалистов, так же как Александр Федорович Керенский. Народные социалисты критиковали большевиков. Я хочу издать по материалам этой газеты книгу «1917 год в уездном городе Карачеве». В газете масса стихов, вроде таких:

*Из Швейцарии оратор, от Вильгельма провокатор.
За него горой стоим — это новый, брат, режим*

Ясно, кто подразумевался под «оратором».

В этот период к большевикам, к Ленину весьма неодобрительно относился и Максим Горький. Его критические высказывания в их адрес часто приводились в карачевской газете. Народные социалисты считали, что большевики порочат великую идею социализма — идею всеобщего равенства, которая «пришла от бога и церкви». По мнению многих из них, агрессивное безбожие и жестокость большевиков, призывавших «украсить Революцию гражданской войной», отодвинул победу социализма лет на 200. Дедушка был одним из инициаторов создания газеты «Голос гражданина» и часто в ней печатался, а первым ее редактором был писатель и поэт, офицер Павел Иванович Заякин-Уральский. После его ухода газету возглавил дед, но с приходом в Карачеве к власти большевиков ее закрыли. Заякин-Уральский умер в 1920 г., находясь в Красной армии. Надо же? А ведь, судя по газете, был убежденным анти-большевиком.

Дед был сыном православного священника — иерея, жившего с семьей в селе Любашково в Витебской губернии. Я нашла в Интернете сведения о том, что Цитовичи (Цытовичи) представляли несколько дворянских родов.

Дедушка был инвалидом с детства — у него ампутировали правую руку из-за злокачественной опухоли. В начале 1930-х годов он работал преподавателем Карачевского коноплеводческого техникума. Он автор пяти книг и более 50 статей. В 1933 г. был арестован по доносу и сослан в Архангельскую губернию. Отбывал ссылку в Емецке — большом селении, считавшемся до 1925 г. городом. Пробыл в ссылке более года. Умер в 1936 г. в Карачеве. Реабилитирован в 1957 г. Опубликован очерк «Смерть кругом», написанный дедом в ссылке, и его переписка с дочерью и женой¹.

Возвращаясь к теме нашего карачевского сада. Я думаю, что дедушке помогали содержать его в порядке специалисты-садоводы из Орла. Сад был сделан очень здорово. Люди приезжали и говорили, что у нас в саду прекрасно, как в раю. Это было во времена мамы моей, она умерла в 1960 г., ей было тогда 39 лет.

После смерти матери отец женился еще раз, но как-то за садом и домом ухаживать у него времени не было. Работа хирурга в больнице и поликлинике (при том, что врачей не хватало) отнимала очень много сил и времени.

Бабушка с ее матерью после смерти деда как-то сумели сохранить и дом, и сад. В 1943 г., перед освобождением нашими войсками Карачева, население города было вывезено немцами на запад. Бабушка, прабабушка и няня (Костоглотова Мария Федотовна) оказались в Литве. Вернулись только бабушка с няней, а Софья Львовна (мать бабушки) заболела и умерла на чужбине.

Все мое детство прошло в старом карачевском доме. Со временем отцу дали квартиру в кирпичном доме, на четвертом этаже. Наш старый дом спустя некоторое время продали. Когда я приезжаю в Карачев, даже не спрашиваю, остался ли наш сад. Как-то грустно касаться этой темы.

¹ См.: Ссылки, тюрьмы, лагеря 1930–1940-х годов: особенности поведения в экстремальной ситуации. Сборник документов / сост., подгот. текста, вступит. статья, коммент. О.Л. Милова. М.: ИЭА РАН, 2023, 304 с.

С.А. Тогда давайте поговорим о вашей учебе в институте.

Е.Б. Я уже говорила, что после окончания школы в 1962 г. поступила учиться в Орловский пединститут, на историко-филологический факультет. Орловщина — это родина и место проживания многих известных русских писателей: Ивана Тургенева, Афанасия Фета, Леонида Андреева, Ивана Бунина и др. Об их жизни и творчестве нам читали лекции очень хорошие преподаватели. Вспоминаю прекрасные лекции Леонида Николаевича Афонина, он был директором Музея писателей-орловцев и известным специалистом по творчеству Леонида Андреева. Галина Борисовна Курляндская была одним из крупнейших в стране тургеневедов, Михаил Васильевич Минокин занимался творчеством российских писателей рубежа XIX–XX вв. Все было очень интересно.

Учителей не хватало, и студентов посылали на длительную практику в деревни. Это было своего рода погружение в этнографию и фольклор. Я запомнила некоторые песни, которые впервые услышала в деревне. Вот такую, например:

*В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
«Передайте передачу,
А то люди говорят,
Что по тюрьмам заключенных
Лютым голодом морят».*

Дальше идет текст, в котором старушке сообщают, что нет ее сына, он умер. Впечатление от куплета с этим текстом такое тяжелое, что я даже забыла его слова. Последний куплет такой:

*Передачу я купила
На последние гроши,
Передайте заключенным
На помин его души.*

Как думаете, какого времени песня? Не понять ведь даже. Я слушала ее в одной из деревень Дмитровского района Орловской области в 1964 г., когда была на педагогической практике. Сразу запомнила, даже не записывая.

С.А.: Вы тогда еще не занимались этнографией?

Е.Б.: Нет. Все было довольно грустно в орловских деревнях, переживших голод, войну, оккупацию и пр. Одни прошлые названия деревень чего стоили! Умрихино, Мёртвое, Смердяково, например.

По окончании института меня направили работать в Новосибирскую область, в деревню Черный мыс Убинского района. Там жили, в том числе, потомки ссыльных разных времен. Меня поразила разница между сибирской деревней и деревнями Центральной России, где дома были часто крыты соло-

мой, царила нищета и жили преимущественно старики. В сибирских селениях жили другие, более энергичные люди, особой бедности не ощущалось, ритм жизни был более интенсивным.

В Черномысенской средней школе я два года проработала учителем, причем не только русского языка и литературы, преподавала даже физику: учителей не хватало, а учеников было много. В последние десятилетия численность жителей в Черном мысу существенно сократилась, школу закрыли.

Когда я вернулась из Сибири, почувствовала, что мне надоело учительствовать. Какое-то время пришлось еще поработать в школах Орловской области, но я старалась поступить в Московский университет на истфак. Первый раз не взяли из-за наличия уже высшего образования. Второй раз сдавала без подготовки, получила только одну пятерку и три четверки и не прошла по конкурсу. В третий раз уже готовилась и поступила. Это произошло в 1970 г. Поселилась в Москве у бабушкиной сестры Нины Александровны Гарф (тети Нины). Она окончила до революции историко-философский факультет Московских высших женских курсов, в совершенстве владела французским и немецким языками, играла на фортепиано, увлекалась театром. Жили мы в коммунальной квартире на улице Герцена (Большой Никитской), потом — на Малой Бронной, в районе Патриарших прудов.

На истфаке я изучала испанский язык и мечтала поехать в Южную Америку, чтобы заниматься там этнографией. Но мои планы «разрушил» Леонид Васильевич Милов, который руководил нашей группой. Он посоветовал нам, студентам, заниматься той областью науки, где мы сможем сделать больше, дать больше. Такую возможность он связывал в первую очередь с изучением отечественной истории и этнографии. Я засомневалась тогда, стоит ли мне заниматься Латинской Америкой.

Когда пришла на кафедру этнографии, стала учиться в основном у Льва Павловича Лашука. Он узнал, что я два года работала в Сибири, а там, рядом с деревней Черный мыс, где я жила, располагалось селение барабинских татар — Заречное. Так и определили мы с Лашуком тему моего диплома: «Этническая специфика барабинских татар».

С.А.: Поясните, пожалуйста, что это за этническая группа?

Е.Б.: Это одна из тюркских групп, которых позже стали называть татарами. В значительной степени их ассимилировали приезжие казанские татары. Слово «бараба» стало даже несколько уничижительным, некоторые люди обижались, если их так называли. Я написала диплом, который очень хвалили. (Надо бы его опубликовать). Правда, получила типичное для того времени замечание от Геннадия Евгеньевича Маркова: «Все в основном хорошо, но плохо то, что нет ни одной ссылки на классиков марксизма». И мне пришлось какую-то ссылку вставить. Это считалось важным.

Когда я работала в Сибири, ко мне как-то подошел глава партийной организации колхоза и предложил вступить в партию. Наверное, я бестактный человек, потому что в ответ громко рассмеялась. Меня в детстве воспитывала бабушка, которая была далека от всего «партийного». Среди наших родствен-

ников не менее десяти репрессированных. Понятно было бабушкино отношение к партии, хотя она никогда и ничего об этом не говорила. Я отказалась вступать в партию, а мои коллеги-подруги меня резко осудили за это. Наверное, это от родственников по материнской линии мне передалось — какая-то степень внутреннего неприятия «большевизма».

Нашла личные дневники моей матери-школьницы середины 1930-х годов. Они тогда изучали в школе статью В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», где вождь революции пишет, что Толстой ведет себя как «помещик, юродствующий во Христе», называет Льва Николаевича «хлюпиком». Мама возмущалась в дневнике, как мог Ленин сказать такое о великом писателе. Домашние ее поддержали.

С.А.: С религией это было связано?

Е.Б.: Нет, не только. Помню, я в раннем детстве удивлялась, почему люди ходят в церковь, ведь бога нет. Моя старенькая няня постоянно жила с нами, и я была еще совсем ребенком, когда она объяснила мне довольно убедительно, что есть Бог. Это подействовало на меня, конечно, да еще и традиция — несколько поколений священников в роду. Дедушкина сестра, жившая под Орлом, была замужем за священником, и ее мужа во время гражданской войны расстреляли красные (кто-то донес, что он общался с Деникиным). Его дочь (моя тетя) всегда говорила, что ее отец работал учителем, скрывая то, что он был священником.

После окончания университета я семь лет работала экскурсоводом в Новодевичьем монастыре. Ходила на службы в монастырские храмы, и за это меня постоянно бранила заведующая экскурсионным бюро. Я отвечала: «Историк обязан ходить в церковь!» Тогда она попросила меня выбирать для этого другие церкви — подальше от работы. Хотя с начала 1990-х годов она и сама стала сотрудничать со священниками. Мы сбились!

С.А.: Нет, это очень интересно. Но давайте поговорим о кафедре и ваших учителях, кто оказал на вас влияние.

Е.Б.: Когда я училась на кафедре этнографии, более всего мне был близок Лев Павлович Лашук. Он привлек мое внимание с первой своей лекции. С формальной точки зрения его лекции не были стройными и логичными, но в ходе лекции у Лашука рождались идеи, и ты словно становился причастным к их рождению. Это сильно притягивало. Даже не было вопроса выбора руководителя. Когда меня рекомендовали в аспирантуру, Лашук сказал: «Барабинские татары, рядом с селением которых вы два года жили, родственны телеутам, они тоже кочевали, может быть, есть совпадения в родовых названиях. Давайте выберем телеутов».

С.А.: Какие лекции он читал?

Е.Б.: Это были в основном общие лекции по этнографии. Рыбаков читал историю Древней Руси, Авдусин — археологию, Лашук — этнографию. Блестящим лектором был антрополог и этнограф Николай Николаевич Чебоксаров. К сожалению, он в то время редко выступал на кафедре с лекциями,

но они были превосходными. Замечательный курс лекций по русскому фольклору читал у нас на кафедре Виктор Григорьевич Смолицкий². Геннадий Герасимович Громов преподавал методику полевых исследований. Его лекции имели большое значение. Многие, кто приходит сейчас работать в институт, не обладают навыками и опытом полевой работы.

С.А.: Чему еще он учил?

Е.Б.: Громов очень интересно рассказывал, но главное — он ездил со студентами на полевую практику, правда, я, к сожалению, с ним ни разу не ездила. Один раз я была на практике с Розой Каюмовной Сатлыковой³, мы работали среди сибирских татар. Второй раз — вместе с Владимиром Герасимовичем Бабаковым, он был тогда аспирантом Л.П. Лашука. Впоследствии он написал книгу «Кризисные этносы»⁴. К сожалению, он не успел защитить докторскую — трагически погиб незадолго до защиты. В 1973 г. вместе с ним и моей однокурсницей Т.Б. Уваровой⁵ мы проплыли на теплоходе по Иртышу и Оби — от Омска до Салехарда.

С.А.: Что это были за практики, что вы там делали?

Е.Б.: Володя Бабаков собирал материалы о фратрии у обских угров, а мы ему помогали. Но не нашли мы тогда такой социальной единицы у местных угров — хантов и манси. Интересно было у них побывать. Позже я ездила туда еще раз. Даже доклад какой-то по собранным материалам сделала, уже не помню.

В полевой практике важно усвоить этикет общения между этнографом и информантами, познакомиться с живой культурой народа.

Когда я ездила в экспедиции, часто переписывалась с Л.П. Лашуком. Он увлекся социологией. Издал учебное пособие «Введение в историческую социологию»⁶ — две книжки. Написал прекрасно, но... В свое время он много и успешно занимался этнической культурой коми...

С.А.: Заведовал тогда С.А. Токарев?

Е.Б.: Когда я училась на кафедре, один год ее возглавлял Токарев, а потом заведующим стал Г.Е. Марков. На кафедру я пришла в 1972 г. и окончила университет в 1975 го. При поступлении в аспирантуру я провалила экзамены: меня брали в дневную, а я получила тройку по истории КПСС, естествен-

² См.: Виктор Григорьевич Смолицкий: к 85-летию со дня рождения / сост. Е.П. Батьянова. М., 2011. 60 с.

³ Татары Среднего Прииртышья (хозяйственный уклад, общинная организации и семейные отношения в конце XVIII — начале XX в.). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07. М., 1986.

⁴ Бабаков В. Г. Кризисные этносы. М.: Институт философии РАН, 1993. 181 с.

⁵ Татьяна Борисовна Уварова — социальный антрополог, этнолог, доктор исторических наук.

⁶ Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. М., 1977. Вып. 1. Историография и методология исторической социологии. 172 с.; Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. 148 с.

но, перепутала съезды. В результате меня взяли в заочную аспирантуру. Там я долго ездила в экспедиции. Только к телеутам у меня было двадцать экспедиций, где я собирала материалы по теме диссертации.

Настолько все элементы культуры у малых народов переплетены, что, не познакомившись со всем культурным комплексом, ты не можешь глубоко исследовать и кусочек их культуры. Информанты все время говорили о шаманах и шаманизме, от которого я шарахалась, не хотела про это слушать. Мне важно было социальное устройство: род, община и пр. Через пару поездок поняла: никуда от шаманизма не денешься, всё им пропитано. Тогда я поехала к главной телеутской шаманке, в Алтайский край.

Это была «встреча со страхом». Пришла к шаманке, она смотрит на меня таким пронизывающим взглядом, словно рентгеном просвечивает. Я дрожащим голосом говорю: «Здравствуйте, мне сказали, что Вы можете лечить людей...» Она испугалась, схватилась за голову — решила, что снова пришли ее «прорабатывать» (к ней постоянно сотрудники милиции приходили). Когда я поняла ее опасения, объяснила, что слышала о ней от людей, которые очень ее хвалят, уважают, благодарят за помощь и пр.

С.А.: Она скрывала, что она шаманка?

Е.Б.: Нет, не скрывала, но без конца ее забирали в милицию и там «прорабатывали». Правда, она мне рассказывала, что как-то раз ее привели в милицию, какое-то время беседовали с ней, а в конце концов «главный милиционер» пожал ей руку и поблагодарил: «Спасибо Вам, Татьяна Васильевна!». Может быть, это ее фантазия (желаемое выдавала за действительность), а может быть, и правда нечто подобное произошло. Большое мужество нужно иметь, чтобы в такой обстановке продолжать заниматься своим делом.

К ней ездили и из Горного Алтая... Я была несколько раз у нее, а один раз даже присутствовала на камлании. К тому времени она перенесла инсульт, но все же по квартире передвигаться могла. Когда я приехала к ней в г. Заринск Алтайского края (селение Крутое, где она жила до этого, было упразднено), у нее в квартире находилось несколько человек, желающих лечиться. Узнали, кто я, выразили недовольство тем, что хочу присутствовать на камлании, но шаманка меня защитила и всех успокоила...

Я упоминала Татьяну Васильевну Манышеву во многих своих работах⁷. Интересно, что, когда я спросила у нее, может ли она меня полечить, в ответ услышала: «Нет!» (*смеется*).

⁷ Батъянова Е. П. «Кам Татьяна» — телеутская шаманка: черты социально-психологического портрета // Эпические наследие и духовные практики в прошлом и настоящем / отв. ред. В.И. Харитонов. М., ИЭА РАН, 2013. С. 123–131; она же. Женщины-шаманки у народов Сибири // Женщина и свобода. М., 1994. С. 416–423; она же. Телеутская шаманка Татьяна Васильевна Манышева (К портретам религиозных лидеров советского времени // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 26–30 июня. Ч. 1. Горно-Алтайск, 2012. С. 166–169.

— Почему?

— Потому что ты не веришь!

Какая умная шаманка. У большинства шаманов проницательный ум, особое чутье. Даже миссионеры считали, что в шаманах есть нечто, чего нам пока не дано понять. Они действительно часто вылечивают людей. Может быть, какой-то особый дар внушения.

Миссионеры Алтайской духовной миссии относились к традиционным верованиям местных коренных народов не так жестко, как служители православной церкви в других регионах Сибири. Отсюда и снисходительное их отношение к шаманам, и патерналистская позиция по отношению к местному «инородческому» населению в целом. У алтайского миссионера и этнографа Василия Ивановича Вербицкого есть в дневнике такая запись: «Келья моя ежедневно представляет приемную врача, аптеку, лавку, где товар не продается, а даром дается». Он упоминает случай, когда к нему обратилась молодая телеутка с просьбой: «Иди, покамлай над моим сыном, у меня ребенок заболел». Здешние «инородцы» порой не видели большой разницы между камом (шаманом) и священником. Интересно, что когда советские власти стали жестко преследовать шаманов, они искали защиту у этнографов. В дневниках этнографа-алтаеведа А.Г. Данилина есть запись такого содержания: «К нам пришел шаман, он сказал, что им (шаманам) власти не разрешают камлать. Я ему объяснил, что у нас в стране все религии равны». В Алтайском регионе совсем другое отношение к шаманам, чем на Северо-Востоке Сибири. Когда на Камчатке я по фамилии узнала сына известного корякского шамана 1930-х годов и радостно сказала ему об этом, он чуть в обморок не упал (*смеется*). Ему дурно стало! Это все равно, что сказать: «Ваш отец был известным врагом народа».

С.А.: Кто был вашим наставником в полевой работе?

Е.Б.: В студенческие годы, во время полевой практики моими первыми наставниками были Роза Каюмовна Сатлыкова — лаборант кафедры и Володя Бабаков — тогда еще аспирант Л.П. Лашука. Но в годы моей работы в ИЭА РАН полевым наставником «с большой буквы» был для меня Илья Самуилович Гурвич. Когда я поступила на работу в Сектор Севера в 1983 г., то долгое время фактически была его секретарем. Часто ездила с ним в экспедиции на Камчатку и Чукотку. Это были настоящие уроки полевой этнографии. Под его руководством велась обязательная работа в сельсоветах, архивах, статуправлениях, музеях, проходили встречи с «начальством». Когда я до этого самостоятельно работала в поле, то избегала встреч с начальством, ходила по домам, общалась с простыми людьми. А теперь, помимо этого привычного общения, нужно было больше контактировать со всякого рода руководителями.

При работе с информантами Илья Самуилович соблюдал строгий этикет общения со своими собеседниками. С ним было очень интересно, часто приходилось работать вместе, наблюдать, как он беседует с людьми, выступает с лекциями, как его встречают в гостях и пр.

В советское время было большее уважение к этнографии и этнографам, чем в первые постсоветские годы, когда представители местной интеллигенции северных народов стали порой говорить: «Теперь мы сами себя будем изучать!»

С.А.: Что это были за лекции?

Е.Б.: Образовательно-просветительные лекции по этнографии. Гурвич рассказывал о происхождении и истории этих народов. Я тоже проводила такие лекции среди телеутов. Как-то выступала в школе перед детьми. Смотрю, маленький мальчишка ручонку тянет — хочет вопрос задать. Спрашивает: «Скажите, пожалуйста, а телеуты — это нация или народность?». И тут мне стало дурно. Тогда этот вопрос взрослые обсуждали. Я ответила мальчику, что телеуты — это прежде всего народ, имеющий свою историю и культуру, свои традиции и обычаи.

С Ильей Самуиловичем было интересно, и он сам как личность был интересен. Его семья представляла старую дореволюционную интеллигенцию. Отец Ильи Самуиловича был инженером-путейцем, строителем мостов, мама — врач, какое-то время она училась даже в Сорбонне, ее сестры входили в окружение поэта Валерия Брюсова. Илья Самуилович прекрасно разбирался в литературе, музыке, живописи, любил театр. Он был как будто из того, дореволюционного, времени, и мне это было ближе и интереснее, чем если бы он представлял чисто советский тип людей. Кстати, его отец погиб в годы репрессий.

С.А.: Куда вы с ним ездили?

Е.Б.: Мы ездили на Чукотку и Камчатку. На Камчатке произошел конфликт с властью. Это был 1985 год. Гурвич упомянул в докладной записке о распространенности пьянства и алкоголизма в Корякском АО. Власти округа обиделись. Гурвич тоже обиделся и перестал ездить в округ.

С.А.: Записка Гурвича к ним попала через кого-то?

Е.Б.: Докладные записки обязательно пересылались на места. На Чукотке тоже был у меня «забавный» случай в 1990-е годы. Приехала в селение и сразу же пошла к начальству «отметиться». Меня спрашивают: «Вы этнограф?». Я с гордостью ответила, что да! В ответ услышала: «Чтобы Вас через два дня здесь не было! Мы всех этнографов выгоняем, здесь пограничная зона». Врал, конечно, начальник. Я позвонила пограничникам, узнала, что мое нахождение в селении было вполне допустимо. Даже не знала, что делать. Сняла какую-то квартиру, осталась. Каждый раз, когда меня встречал этот представитель местной власти, удивленно спрашивал: «Вы еще здесь?». Дело в том, что в селении велось какое-то следствие, он, наверное, не хотел, чтобы сор выносили из избы.

С.А.: Вы тоже писали докладные записки? Это было обязанностью?

Е.Б.: Я — нет. Один раз мы писали с Гурвичем вместе о политической ситуации в Чукотском округе, но это была не докладная записка, а так называемая «Неотложка»⁸. В серии «Прикладная и неотложная этнология» я опубли-

⁸ Гурвич И. С., Батьянова Е. П. Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе. М.: ИЭА РАН, 1991. 16 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 16).

ковала также брошюры по телеутам⁹ и по народам Приамурья¹⁰. Последняя написана совместно с Е.А. Гаер и В.Н. Шпиневым.

Одним из моих главных наставников в исследованиях южносибирского региона был, конечно, Леонид Павлович Потапов — крупнейший алтаевед XX в. Мы много общались по телефону, вели переписку, я часто ездила к нему в поселок Комарово (Курортный район Санкт-Петербурга), где он проживал в 1990-е годы. Постоянно консультировалась с ним, заряжалась от него творческой энергией.

**И.С. Гурвич и Е.П. Батьянова
в экспедиции на Камчатку
Корякский А.О., Тигильский
р-он, с. Лесная, 1985 год**

Среди моих наставников видное место занимал и сотрудник нашего сектора Севьян Израилевич Вайнштейн, под руководством которого я приняла участие в подготовке к изданию нескольких известных классических трудов, в том числе книги В.В. Радлова «Из Сибири»¹¹ и третьего тома труда Г.Ф. Миллера «История Сибири»¹².

Вот говорят: нехорошо, что у нас нет правила обязательного проживания этнографа в течение года в среде изучаемого народа. Так в зарубежной этнологии принято.

Неверно считать, что у нас нет традиции стационарных этнографических исследований. Илья Самуилович Гурвич постоянно жил в Якутии с 1941 г.

⁹ Батьянова Е. П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области. М.: ИЭА РАН, 1993. 23 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии)

¹⁰ Гаер Е. А., Батьянова Е. П., Шпинев В. Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постсоветской действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе-сентябре 2012 года). М.: ИЭА РАН, 2014. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии).

¹¹ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989.

¹² Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3.

до середины 1950-х, правда, с перерывом на учебу в аспирантуре в Москве. Сначала работал в деревенской школе, потом, после защиты кандидатской диссертации — в НИИЯЛИ Якутского филиала АН СССР. Севьян Израилевич Вайнштейн много лет перед поступлением на работу в Институт этнографии работал в Туве. Анна Васильевна Смоляк несколько лет жила и работала на Дальнем Востоке. А в какие длительные экспедиции она почти ежегодно ездила! Один раз шесть месяцев в экспедиции провела. Мария Яковлевна Жорницкая много лет в Якутии проживала, а потом постоянно ездила в экспедиции на Чукотку, Камчатку, в Якутию и т. д. А как сформировался наш Сектор Севера? Пригласили работать в этом подразделении людей, многие из которых до этого жили и работали на Севере, на Дальнем Востоке. Сотрудника Анадырского краеведческого музея Виктора Васильевича Нарышкина пригласили, Илью Самуиловича Гурвича из Якутска пригласили, Владилена Александровича Туголукова — из Николаевска-на-Амуре. Все первые сотрудники Сектора знали Север и имели длительный опыт разнообразного (бытового, делового и пр.) общения с коренными северянами. Знали их жизнь. Так что бытующее за рубежом требование для этнолога прожить год среди народа, представляющего изучаемую им культуру, для России неактуально. Практически все наши сотрудники имели опыт длительных стационарных этнографических исследований.

С.А.: Расскажите про сектор, про коллег, с которыми вы работали.

Е.Б. Поступив в Институт, я начала работу в Отделе кадров, потом меня приняли в Сектор Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера, где я числилась лаборантом и занималась технической работой. Конечно, очень хотелось работать в Секторе Севера и Сибири. Как-то зашла в этот сектор, смотрю — сидит Илья Самуилович, а я с ним почти не знакома. Между нами состоялся следующий диалог:

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста, а вот у вас нет в секторе места, чтобы кем-нибудь меня на работу взяли?

— Нет места.

— А когда будет?

— Никогда.

— Хорошо, спасибо.

Повернулась, чтобы уйти. Он говорит: «Нет, пойте». Оказывается, вспомнил, что кто-то должен уйти в декретный отпуск. Через некоторое время меня взяли в Сектор Севера лаборантом.

Я с удовольствием там работала, несмотря на то, что люди очень разные, у каждого свой, сложный характер. Их всех роднило одно — безмерная увлеченность своим делом, своей работой.

Я долго на временной работе числилась: какой-то срок работаешь, потом тебя увольняют на неделю или на две. Но я игнорировала эти увольнения, все равно ходила на работу. А когда наступали суббота и воскресенье, я страдала, потому что мне хотелось в институт, хотелось в сектор. До такой степени «секторяне» заразили меня увлеченностью своей работой и всем, что с ней связано.

Сектор официально занимался изучением социалистического строительства, но его сотрудникам удалось сохранить в своих исследованиях традиционный предмет этнографии. Параллельно с публикациями о проблемах строительства социализма институтские североведы издавали работы, касающиеся этнической истории, традиционной культуры, фольклора. Так, И.С. Гурвич опубликовал замечательную книгу по этнической истории Северо-Востока Сибири¹³, А.В. Смоляк — великолепную книгу о шаманизме¹⁴ и пр. В том, что сотрудники Сектора большое внимание уделяли изучению традиционной культуры, огромная заслуга его первого заведующего Бориса Осиповича Долгих, который считал, что культуры сибирских народов — это часть общечеловеческой культуры и ее достояние. Уважительное отношение к этим культурам считалось в Секторе Севера естественным.

С.А.: А к этому социалистическому строительству они как относились?

Е.Б.: Положение обязывало. Они же работали в государственном учреждении, многие были членами партии, поэтому относились к этому строительству так, как положено.

С.А.: А разговоры в секторе какие-то были на эту тему?

Е.П.: Наверное, были, но я не помню.

С.А.: Может быть, вернемся к телеутам? С чем связан выбор темы диссертации?

Е.Б.: Мне всегда казалось загадкой, как малые (малочисленные) народы могут сохранять свои культуры в весьма жестких условиях в течение длительного времени. И тем более, когда многие элементы их культуры считаются пережитками, с которыми надо бороться. И все же их культура сохраняется. Удивительно! Механизмы выживания и развития этих культур меня всегда интересовали. Я потому и вышла на род и общину — основные регуляторы жизни этих народов.

Телеуты живут преимущественно в Кузбассе, наиболее промышленно развитом регионе Сибири. Одна из телеутских деревень вошла в черту большого индустриального города Новокузнецка. Телеуты, проживавшие в этом селе, сохраняли и периодически носили свою национальную одежду. Местная телеутка как-то мне рассказывала: «Наш народ — модный народ, свою одежду носит. Муж мне не разрешал носить русскую одежду. Стыдно своей одежды стыдиться». Как она здорово сказала!

¹³ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966.

¹⁴ Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М., Наука, 1991.

Я не знала, чем буду заниматься в поле, что буду изучать у телеутов. Постепенно стала ориентироваться на основу их этнического бытия — социальную организацию. Культуры некоторых малых народов растворяются в культурах народов более многочисленных. А телеуты пока держатся.

Интересны их взаимоотношения с православием. Еще в начале XIX в. всех телеутов, принявших православие, их некрещенные односельчане выгоняли из деревни. Мужчины-общинники приходили в дом принявших православие, ломали там все и выселяли хозяев прочь. Поэтому рядом с телеутскими селениями образовывались выселки, называемые «кресту» — крещеные. Так, село Беково в Беловском районе Кемеровской области до сих пор по-телеутски называется Кресту. Характерно, что обрусевшие «кресту» оставались в инородческом сословии и официально значились как «ясачные русские».

К началу XX в. большинство телеутов приняли крещение. Отношение к православию изменилось. В середине 1990-х годов по инициативе Телеутской Ассоциации «Эне — Пайат», созданной в 1990 г., был восстановлен закрытый и существенно разрушенный в советское время храм Святого Пантелеймона в селе Челухоево. Многие телеуты охотно ходят в этот храм. Жительница деревни Верховская спрашивала меня: «Елена Петровна, почему, если человек знает два языка — это хорошо, а когда у него две веры — это плохо? Почему? Я ведь своих духов покормлю, а потом и в церкви помолюсь». Главная телеутская шаманка Т.В. Манышева периодически надевала поверх одежды большой крест. Она объясняла мне: «У нас две веры: одна вера религиозная, другая — наша. Старинная татарская вера за мной тянется, а я и к обедне хожу». Мудрая была шаманка.

С.А.: Интересно поговорить о ваших отношениях с информантами.

Е.Б.: Мне хочется опубликовать письма от них. Они очень информативны как этнографический источник. Многие из писем такие чудесные! Одна корячка, обращаясь ко мне в письмах, постоянно называла меня «моя дорогая сестра...». Вспоминаю 1990-е годы, я уже переселилась тогда с Патриарших прудов сюда, в здание гостиницы «Украина», а мне телеутская семья послала по старому адресу объемную посылку картошки из собственного огорода, чтобы я «не голодала». Потом удивились тому, что посылка пришла обратно. Я постоянно ощущала трогательную заботу, исходящую от моих друзей-телеутов. Со многими из них я до сих пор поддерживаю доверительные, теплые отношения.

Правда, в начале постсоветского периода я попадала и в неприятные ситуации, порой разрушающие добрые отношения с некоторыми информантами. Так, одной пожилой корячке я подарила свою статью «Коряки рассказывают о себе»¹⁵, где был приведен записанный мной ее рассказ. После этого она перестала со мной разговаривать. Эта женщина была уникальным информантом. Она не называла себя шаманкой, но, безусловно, обладала «шаманским даром». Как объяснила мне ее дочь, причиной ее обиды на меня стало то, что я поместила в статье ее слова рядом со словами береговых коряков — нымы-

¹⁵ Батьянова Е. П. Коряки рассказывают о себе (по материалам полевых исследований на Камчатке в 1995 г.) // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири. Традиции и современность. М., 1995. С. 203–222.

ланов. А между береговыми и оленными коряками, которых представляла эта замечательная женщина, существовало некоторое неприятие. Помню, когда я собралась ехать в деревню Лесная, где проживают береговые коряки, знакомая оленная корячка меня предупреждала: «Смотри, осторожнее будь! К нымыланам едешь!»

С.А.: Слова, которые вы напечатали — это часть ее личности?

Е.Б.: Да. У аборигенов Северо-Востока Сибири бытует иное отношение к слову, чем у нас. Традиционно коряки относились (а некоторые и сейчас относятся) к слову как к принадлежности человеческой души, как к живому носителю добра и зла. Слово всегда живое.

С.А.: У вас были ключевые информанты? Расскажите о них.

Е.Б.: Были. Это телеутская шаманка с Алтая Татьяна Васильевна Манышева, о которой я рассказывала. Это бывший учитель Николай Степанович Челухоев из телеутского села Челухоево (Беловский район Кемеровской области), это замечательная и горячо любимая мной Анна Сидоровна Тарасова из телеутской деревни Шанда (Гурьевский район Кемеровской области). За время двадцати экспедиций к телеутам я побывала чуть ли не в каждом их доме по нескольку раз. Поэтому ключевых информантов среди них у меня было много.

На Камчатке среди коряков ключевыми информантами для меня были Мария Тепеновна Етнеут, Татьяна Ильинична Уркачан, Надежда Кайзевна Хелол, Константин Ачетатович Тке, проживавшие в пос. Палана — административном центре Корякского округа, и многие-многие другие люди, которым я чрезвычайно благодарна.

Е.П. Батьянова и корякская художница Людмила Мироновна Хелол. Корякский АО, окрестности пос. Палана, 1987 год.

С.А.: Скажите, в чем было новаторство вашей диссертации, с какими теориями вы, возможно, спорили или наоборот, что этой работой доказали?

Е.Б.: Я просто решила проанализировать и понять основу общественного устройства телеутов на определенных этапах их истории. Род и община — два главных института, на которых все держалось, да и сейчас еще традиционно держится, все ими регулируется: хозяйство, родственные связи, религиозные традиции и пр. Спорить мне особо было не с кем.

С.А.: Насколько я понимаю, в советской этнографии это была большая теоретическая дискуссия: что важнее, род или община? Что является экономической ячейкой «первобытного общества»?

Е.Б.: Да. Между этими институтами было разделение функций. Община управляла в основном хозяйственными делами и вопросами взаимопомощи, наказывала воров, для которых были самые тяжелые наказания, даже тяжелее, чем для убийц. Воров выгоняли из деревни. В период Перестройки, когда люди бедствовали, участились случаи воровства. Рассказывали, что мужчины-односельчане собирались, вызывали вора и говорили: «У своих воровать нельзя, если хочешь этим заниматься, то иди к чужим...» (*смеется*). Ой, нехорошо, нельзя так говорить (*смеется*).

За воровство у «своих» били! Но это было и у русских тоже издревле. Очень жестоко наказывалось воровство. Это хорошо представлено в рассказе писателя Николая Успенского¹⁶.

Мой родственник тоже был наказан за воровство — муж сестры отца. Он жил с семьей в 1920-е годы в сибирской деревне. Его заподозрили в том, что он «тряс» рыбу — воровал ее из чужих сетей. Кончилось тем, что соседи его убили.

С.А.: А род организует в основном семейные связи?

Е.Б.: Да, регулирует заключение браков, взаимопомощь, обычаи, связанные с родовым культом. Угощения на родовых праздниках телеуты прежде всего преподносили самому старому человеку в роде. Нельзя жениться на женщине своего рода. Гибель мужчин на фронте во время Великой Отечественной войны телеуты в ряде случаев связывали с нарушением погибшими или их родственниками норм экзогамии. Конечно, в советское время случаи нарушения родовой экзогамии участились, но многие стараются соблюдать ее нормы и в настоящее время.

В общем, к телеутам я ездила двадцать раз, к чукчам — пять. К корякам тоже пять раз, но находилась там подольше, чем у чукчей. Один раз прожила на Камчатке более трех месяцев. А всего я ездила в экспедиции (включая археологические) более чем сорок раз.

Как-то в экспедиции мы проплыли с Евдокией Александровной Гаер вверх по Амуру — от Николаевска-на-Амуре до Хабаровска. У амурских народов

¹⁶ Успенский Николай Васильевич (1837–1889).

другой шаманизм, чем у телеутов, — тяжелый, как мне показалось. Я даже удивилась. Когда приехала в деревню, где была православная церковь, сразу побежала на службу, и мне стало легче (*смеется*). Мы побывали у нивхов, нанайцев, ульчей. Меня наиболее заинтересовали ульчи, и я поняла, почему первая книжка Анны Васильевны [Смоляк] была посвящена именно ульчам. Они выделяются, у них очень яркая культура. Может быть, это мне просто так показалось.

Е.А. Гаер, В.Н. Шпинев, Е.П. Батьянова в экспедиции в Хабаровский край. В гостях у нанайской семьи. Нанайский р-он, с. Верхний Нерген, 2012 г.

У двадцати народов я побывала в экспедициях. Но основными народами, культуры которых я основательно изучала, были телеуты, коряки, чукчи, чуванцы. Помню, как одна пожилая чуванка мне рассказывала: «У нас в этом году такое большое событие — внуку удалось записаться чуванцем. Мы его записали русским после рождения, но потом добились через суд, чтобы его официально признали чуванцем. И в этом году это произошло! Теперь ему все пути открыты: хочет — за границу может поехать, хочет — учиться в Петербург. Человеком стал!» (*смеется*).

С.А.: Как складывалась ваша дальнейшая научная работа после диссертации, какими темами вы занимались, и с чем связан ваш интерес к этим темам?

Е.Б.: Я занималась много чем, в том числе и историей науки. Написала несколько статей об истории Сектора, его работе. Меня восхищало, как наши сибиреведы сумели сохранять предмет науки в таких жестких политизированных условиях. Правда, когда-то Л.Я. Штернберг определил этнографию как «венец всех гуманитарных наук», но теперь это определение нередко воспринимается и произносится с подчеркнутой иронией.

С.А.: Назовите книги или авторов, оказавших на вас влияние, как на исследователя. И причисляете ли вы себя к какому-нибудь научному направлению или школе?

Е.Б.: Владимир Германович Богораз для меня пример. С удовольствием читаю его работы, потому что в них живые люди, их портреты, их внутренний мир. А это и есть самое интересное. Некоторые говорят, что В.И. Иохельсон интереснее, чем В.Г. Богораз, но я так не считаю. Может быть, недостаточно знаю работы Иохельсона, но мне кажется, что в них слишком много его самого. Возможно, я не права.

Насчет научного направления я не задумывалась. Многие этнографы в своих работах преподносят свои идеи, размышления. Это не всегда бывает интересным. Мне почему-то больше нравится, когда в этнографических работах на переднем плане люди, культуры которых мы изучаем, их поступки, фразы, их жизнь.

Мне некоторые говорили, что в этнографических трудах Богораз присутствуют элементы фантазии, он же писателем был. Но я, находясь в экспедициях у чукчей, неоднократно встречала ситуации и сюжеты, аналогичные представленным у Богораз. Традиционная духовная культура чукчей очень яркая и архаичная. Я как-то спросила у молодой матери-чукчанки, как зовут его маленького сына. Женщина ответила: «А у него пять имен. Четыре человека и зверь (медведь. — *Е.Б.*) возродились в нем. Поэтому его можно называть по-разному. Кто как хочет, так его и называет». Это был конец 1990-х годов!

Я собираюсь издать книжку «Чукотские полевые дневники и материалы». В дневниках я описываю свои впечатления, а в разделе «материалы» будут представлены дословные рассказы чукчей, с их живыми фразами, порой с не совсем правильным русским языком. Я хочу живое сохранить. То же я собираюсь подготовить по телеутам и корякам.

С.А.: В западной науке давно уже актуальна идея такого соавторства, писать книги в соавторстве, писать с людьми из поля. Что это не этнограф описывает, а это такой коллективный труд, — и этнограф только часть этого проекта. У вас такое есть?

Е.Б.: У меня так, только я это даю отдельно, чтобы не получилась каша. Одна часть — это мои впечатления и размышления, а другая часть — это их. У коряков, например, совершенно другое отношение к слову, звуку, речи — более сакрализованное, чем у нас. У меня две статьи называются так: «Коряки рассказывают о себе». И когда в них я слова одной корякской женщины поместила рядом со словами «чужих», она перестала со мной разговаривать. Я уже рассказывала об этом. Что касается телеутов, то у них все по-другому. У меня есть совместная статья с телеутской исследовательницей языка, истории и культуры этого народа Людмилой Тимофеевной Рюминой о Г.М. Токмашеве¹⁷.

С.А.: А вы даете тексты ваших собеседников за их собственными именами?

Е.Б.: Да, я давала за собственными, но сейчас, говорят, это не принято. Вы знаете, раньше, когда этнографы привозили информантам свои книжки

¹⁷ Батьянова Е. П., Рюмина Л. Т. Георгий Маркелович Токмашев — просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы. М., 2003. 2. С. 105–127.

и статьи, они искали в них упоминания о себе и, когда находили, очень радовались. А теперь все по-другому. Я как-то в телеутском селении сидела в клубе, с кем-то разговаривала. Вдруг приходит женщина и начинает мне рассказывать всякие интересные вещи. Я включила магнитофон. Она тут же начала возмущаться: «Вы должны были спросить меня, разрешаю ли я вам записывать или нет. Почему вы это записываете?» Я говорю: «Ну, давайте со-трем, если хотите». Стерли. А раньше радовались люди, когда их записывали. Но, конечно, я виновата в этом случае — надо было попросить разрешение. Но мне не хотелось ее перебивать.

В 1990-е годы изменилось отношение к этнографам. Помню, приехала к телеутам, а мне женщина, возглавившая тогда Ассоциацию, говорит: «Что вы ездите? Теперь мы сами себя будем изучать». Но сейчас вроде бы к работе приезжающих к ним этнографам относятся спокойно.

С.А.: А с чем связана такая перемена?

Е.Б.: В 1990-е — начале 2000-х годов в российском этнографическом поле работало много западных исследователей. На Северо-востоке Сибири, помимо проводимых исследований, наши западные коллеги организовывали за рубежом выставки, демонстрирующие традиционную культуру сибирских народов. Например, была открыта немецко-российская выставка «Шаманы Сибири»¹⁸ в Музее имени Линдена в Штутгарте. Организовывались зарубежные гастроли фольклорных ансамблей северных народов, оказывалась помощь в издании учебников и т.д.

Но, к сожалению, очевидно, что не без влияния наших западных коллег, многие ительмены отказались участвовать в праздновании годовщины присоединения Камчатки к России. Ссылались на то, что «это было не присоединение, а завоевание».

Но это не совсем так. Ительмены представляют в значительной степени смешанное население. Казакам запрещали выезжать с Камчатки, они брали в жены местных. Мальчиков, рожденных в русско-ительменских семьях, записывали в служилое сословие и они тоже становились казаками.

Я, кстати, хочу написать работу «Российский патриотизм среди малочисленных народов Сибири». Попытаюсь рассмотреть период с XVIII в. до настоящего времени.

Во время экспедиционной поездки 1977 г. я спросила у телеутской старушки: «Как вы (телеуты) себя называете?». Они же не значились тогда официально как самостоятельный народ. Старушка ответила: «Мы инородцы, татары крещеные, верные подданцы Великого Российского государства». Как вам нравится? Оказалось, что не одна она так называет себя. Такое самоназвание было распространено с XVIII в. и еще даже раньше. Телеуты, которые «выезжали на государево имя», то есть принимали российское подданство, так и назывались «выезжие телеуты». Они относились к служилому сословию. В России даже совершенно обрусевшие группы коренных народов Сибири

¹⁸ <https://dh-north.org/dossiers/schamanen-sibiriens-magier-mittler-heiler/ru>

и других регионов предпочитали официально значиться «иногородцами», потому что «иногородцы» платили меньшие налоги, их не брали в армию и пр.

Российский патриотизм телеутов прослеживается в их фольклоре, где «прародитель» телеутов Шуню предстает иногда как родственник русского царя и пр. Телеуты очень гордятся, что их известные коневоды Шабураковы поставляли лошадей в царскую армию. Бытуют рассказы о богатых подарках, жалованных Шабураковым русским царем.

В телеутском музее, открытом в селении Беково по инициативе известного общественного деятеля Владимира Ильича Челухоева, значительная часть экспозиции посвящена участникам Великой Отечественной войны. Один из них, Алексей Семенович Четонов, был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, чем телеуты очень гордятся. Многие старики со слезами вспоминают 9 мая 1945 г., отмечая, что этот день был одним из самых счастливых в их жизни.

С.А.: Если вернуться к сложному вопросу о западных и российских ученых. Можно ли тогда сказать, что представители коренных народов стали хуже относиться к российским этнографам после общения с западными?

Е.Б.: Наверное, можно. Я помню, как на Камчатке к одной мастерице пришла. Говорю ей: «Ой, как Вы хорошо шьете. Можно я куплю у Вас некоторые вещи для институтского музея?». Она отвечает мне: «Зачем же мне связываться с нищей Россией, если я могу продать это богатым американцам?».

С.А.: А вы лично контактировали с зарубежными учеными?

Е.Б.: Да. Я в очень хороших, дружеских отношениях была с американской исследовательницей Лидией Сергеевной Блэк. Во время войны, будучи совсем молодой девушкой, она была вывезена из Киева в Германию. После войны эмигрировала с мужем в США. Стала в Америке известным антропологом, но по России скучала. Приезжала в Россию. Несколько раз останавливалась у меня. Я тоже побывала у нее в Америке. После смерти в 1992 г. Ильи Самуиловича Гурвича мы с Лидией Сергеевной опубликовали в американском издании небольшую заметку о нем¹⁹. В 2003 г. вышла ее книга об искусстве алеутов²⁰.

Помню, как я с Л.С. Блэк советовалась по вопросу, надо ли платить информантам. Лидия Сергеевна сказала: «Платят информантам плохие исследователи, а у хорошего они сами не возьмут денег. Вот, я написала книгу об алеутах. Так, если я им после этого предложу деньги, информанты, конечно, обидятся».

Ко мне приезжала и жила у меня какое-то время канадская исследовательница Петра Ретман. Она большую интересную книгу о коряках написала. Год она у коряков жила. В 2024 г. эта книга вышла на русском языке²¹.

¹⁹ Iliia Samuilovich Gurvich // Anthropological Newsletter. USA, October, 1992.

²⁰ Black L. T. Aleut Art. Unangam Aguqaadangin. Virginia Beach: Donning Company Publishers, 2003. 208 p.

²¹ Петра Ретман. Прохождение тундры. История и гендер на Дальнем Востоке // Academic Studies. 2024.

В 1990-х — начале 2000-х годов у нас, североведов, были совместные исследовательские проекты с учеными из Финляндии, Швеции. Помню, часто приезжали в Институт Леннард Силланпяя, Хью Бич. Иногда участники проектов собирались у меня дома.

Сотрудники Отдела Севера Дмитрий Анатольевич Функ, Наталья Ивановна Новикова, Елена Петровна Батьянова и финский исследователь Леннард Силланпяя, Москва, 1999 год.

С.А.: Чувствовали ли Вы идеологическое давление в ходе вашей работы, в чем оно проявлялось, какова была роль партийной организации в вашей работе и жизни?

Е.Б.: Нет, этого я не чувствовала. Я от этого была очень далека. Правда, ходила иногда на партсобрания из любопытства. Удивительно было наблюдать, как меняются люди на партсобрании. Мы с коллегой (моей подругой) ходили. Люди там преображались, как будто закодированные. А потом, уже в годы перестройки, меня удивляло, с какой легкостью некоторые люди отказывались от своих якобы убеждений. Они выбрасывали партбилеты и говорили: «А я никогда не верил!». Ну, это ж стыдно. Зачем вступал, если не верил? У меня глубокое уважение вызвал поступок С.И. Вайнштейна. Его отца, философа-марксиста, расстреляли как врага народа в 1938 г. Естественно, Севьян Израилевич никогда не был членом партии, его «не выпускали» за границу и пр., и пр. И в то время, когда его коллеги демонстративно отказывались от своих «коммунистических убеждений», С.И. Вайнштейн сказал: «Зачем же мне предавать идеи своего отца?!» И он переиздал в эти годы книгу отца²². Какой молодец!

С.А.: Подвергались ли ваши работы давлению цензуры? Были ли темы, о которых вы хотели написать, но не могли, в силу политических или идеологических причин?

²² Вайнштейн И. Я. Гегель, Маркс, Ленин. Этапы развития диалектической мысли Изд. ЛЕНАНД, 2016.

Е.Б.: Не помню. По-моему, особо ничего не было, может, если по мелочам только.

С.А.: Что вы считаете своим самым важным достижением в науке? И как бы вы охарактеризовали свой вклад в нашу науку?

Е.Б.: Я стремилась запечатлеть портреты деятелей народной культуры, представленных шаманами, другими яркими личностями. И вообще зафиксировать состояние северных этнических культур на определенном срезе истории. Хочу опубликовать свои полевые дневники и материалы двадцати экспедиций к телеутам, пяти — к корякам и пяти к чукчам и чуванцам. Три отдельных книги.

С.А.: Как вы считаете, как развивается направление исследований, в котором вы работаете и работали? Как вы оцениваете его состояние в настоящий момент? И что бы вы посоветовали молодым ученым, занятым работой в этом направлении?

Е.Б.: Сейчас наблюдается резкий крен этнологии в политику. И этнография (этнология) как наука утрачивает свой предмет. Она расплывается, почти растворяется в политике. Я считаю, что происходит разрушение предмета науки, к сожалению. И Л.П. Потапов в свое время очень сожалел, что разрушается традиционная этнография, обесценивается изучение духовной и материальной культур. Сейчас это очевидно, особенно когда слушаешь доклады или выступления молодых ученых. Какое-то неуважительное отношение к науке этнографии как таковой. Я с огорчением наблюдаю, как идет разрушение предмета этой науки.

Конечно, и наша прошлая работа, особенно докладные записки, была связана с политикой, но тогда в политике не тонула традиционная этнография. Ученые-этнографы параллельно занимались и тем, и другим, причем на самом высоком уровне. Анна Васильевна Смоляк, допустим, про шаманов создала классические труды. И почти все сотрудники нашего Сектора в 1950–1980-е годы увлекались фольклором. Б.О. Долгих — первый заведующий нашим Сектором — писал интересные работы по фольклору, традиционной этнографии. Большинство сотрудников сектора занимались изучением традиционной культуры.

С.А.: А может быть, традиционная культура уходит?

Е.Б.: Нет, она пока еще остается, но меняет форму. И вот это тоже нужно изучать.

С.А.: Большое спасибо, Елена Петровна, за очень интересный рассказ!

Interview

Alymov S. S., Batyanova E. P. I tried to capture the state of the ethnic cultures of Siberia in a certain slice of history [Ia stremilas' zapechatlet' sostoianie etnicheskikh kul'tur Sibiri na opredelennom sreze istorii] *Anthropologies*, 2025, no 1, pp. 138-161, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/138-161>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Batyanova E. P. | elena-batyanova@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-9624-061X> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alymov S. S. | alymovs@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

The interview features the editor of the journal «Anthropologies» S.S. Alymov and a researcher at the Department of the North and Siberia of the IEA RAS E.P. Batyanova. The interlocutors discuss Batyanova's biography, her education and work activity. Particular attention is paid to the period of study at the Department of Ethnography of the History Faculty of Moscow State University and work in the Department (sector) of the North of the IEA RAS for more than 40 years as a laboratory assistant and research fellow. A large place in the interview is occupied by Batyanova's memories of work in the ethnographic field, her participation in 40 expeditions, mainly to Southern Siberia, Chukotka and Kamchatka, and relationships with informants. Also presented are memories of colleagues and mentors, reflections on the current state of traditional cultures, problems of ethnology and the paths of its development.

Keywords: Moscow State University, Department of Ethnography of Moscow State University, Institute of Ethnography, Sector of the North and Siberia, ethnographic fieldwork, indigenous peoples of Siberia, Teleuts, Koryaks, Chukchi

С.С. Алымов, Е.П. Батыанова. Я стремилась запечатлеть состояние этнических культур Сибири на определенном срезе истории. Интервью с Еленой Петровной Батыановой

